

«Ушли на Кроатоан»

Мы не намерены давать определение ВАЗ или догматизировать по поводу того, как она *должна* создаваться. Вместо этого хотим доказать, что она уже была создана, будет создана и создаётся сейчас. Поэтому было бы куда полезнее рассмотреть некоторые из современных ВАЗ и тех, что существовали в прошлом, а также порассуждать по поводу её будущего облика; сконструировав несколько прототипов, мы сможем оценить потенциальный масштаб этого сложного феномена и, возможно даже, нащупать контуры самого «архетипа». Вместо того чтобы замахиваться на некий энциклопедический проект, мы применим технику беспорядочных мазков, мозаичных озарений, и в качестве отправной точки для нашего исследования, выбранной достаточно случайным образом, мы возьмём поселения Нового света XVI–XVII веков. Открытие «нового» света с самого начала задумывалось как *окультная операция*. Похоже, что авторство концепции «магического империализма» принадлежит магу Джону Ди, духовному советнику Елизаветы I, который заразил этой идеей целое поколение. Его энтузиазм подхватили и Ричард Хаклюйт с Уолтером Рэли, и последний использовал свои связи в «Школе ночи» — подпольном кружке прогрессивных мыслителей, аристократов и посвящённых — дабы способствовать исследовательскому, колонизаторскому и картографическому проекту. Шекспировская «Буря» стала пропагандистским памфлетом этой новой идеологии, а колония Роанок — первым показательным экспериментом.

В глазах алхимиков Новый свет ассоциировался с *первоматерией* или *гилеей*, «естественным состоянием», невинностью и бесконечным потенциалом («Виргиния»[8]), хаосом или предначальной бесформенностью, служившей основой для трансмутации, в результате которой алхимику надлежало получить «чистое золото», то есть достичь духовного совершенства, а заодно и материального благополучия. Однако такое видение алхимиков отчасти проистекает из их неподдельного и тайного восхищения, которое они питали к сырой, первозданной материи, и зачарованности её бесформенностью, которая нашла своё воплощение в образе «индейца»: «человека» в *природном* состоянии, не испорченного никакими «формами управления». Калибан, архетипический дикарь, подобно вирусу помещён в самое нутро машины Окультного империализма; лесная чаща/звери/люди изначально уже обладают магическим могуществом, присущим всякому изгою, отверженному и презираемому. С одной стороны, Калибан уродлив, а Природа уподобляется «негодной пустоши» — с другой стороны, Калибан благороден и свободен духом, а Природа олицетворяет Эдем. Этот раскол в европейском сознании предвосхищает дихотомию между романтизмом и классицизмом, своими корнями он восходит к Высокой магии Ренессанса. Открытие Америки (Эльдорадо, Источник вечной молодости) кристаллизует его, и его духом пронизаны все реальные проекты колонизации.

В начальных классах школы нас учили, что первые поселения в Роаноке потерпели крах; колонисты пропали без вести, оставив после себя лишь загадочную надпись: «Ушли на Кроатоан». Свидетельства, полученные впоследствии от «сероглазых индейцев», были

сочтены за выдумки и проигнорированы. Ведь на самом-то деле, как говорится в учебниках, индейцы перебили безоружных поселенцев. Однако «Кроатоан» вовсе не был каким-нибудь Эльдorado — так называлось соседнее племя миролюбивых индейцев. Совершенно очевидно, что поселение было попросту перенесено вглубь материка, на болото Грейт-Дисмал, и его обитатели смешались с коренными жителями. А сероглазые индейцы существовали в действительности — фактически, они *все ещё* существуют и по-прежнему именуют себя Кроатоан.

Итак, обитатели самой первой колонии в Новом свете решили аннулировать свой договор с Просперо (в лице Ди/Рэли/Империи) и присоединиться к Калибану и его Дикарям. Они растворились. Они стали «индейцами», «ассимилировались», предпочли хаос тем ужасающим горестям, что жизнь сулит холопам в услужении у лондонских плутократов и интеллектуалов.

Когда на месте того, что называлось «Островом Черепахи», возникла Америка, осколки Кроатоана сохранились в её коллективной душе. За горизонтом фронта по-прежнему царил Естественное состояние (при полном отсутствии Государства) — и в глубине сознания поселенцы всегда лелеяли возможность раствориться в дикой глуши, уступив соблазну сбежать от Церкви, работы на ферме, грамотности и налогов — сбросить с себя всё бремя цивилизации — и тем или иным способом «отправиться в Кроатоан». Более того, после того как Английская революция была предана — сперва Кромвелем, а затем Реставрацией, — целые волны протестантских радикалов, по своей ли воле или по принуждению, хлынули в Новый свет (который теперь превратился в *тюрьму*, в приют для *изгнанников*). Антиномисты, фамилисты, ушлые квакеры, левеллеры, диггеры и рантеры открыли для себя оккультную тень первозданной природы и с готовностью распахнули ей свои объятия.

Энн Хатчинсон и её соратники были единственными из антиномистов, получивших широкую известность (как принадлежавшие к самой зажиточной прослойке общества), — поскольку им не посчастливилось ввязаться в политические интриги колонии Массачусетского залива — однако можно со всей определённостью утверждать, что существовало и другое, куда более радикальное крыло этого движения. События, описанные Готорном в новелле «Майский шест на весёлой горе», основаны на достоверных исторических фактах; по всей видимости, эти сектанты решили оставить христианскую веру и обратиться в язычников. Если бы им удалось объединиться со своими индейскими союзниками, это могло бы привести к созданию синкретической религии, объединявшей в себе воззрения антиномистов, кельтов и алгонкинов, которая стала бы для жителей Северной Америки XVII века неким подобием южноамериканской *сантерии*.

Сектанты имели бы больше шансов устроиться под крылом менее жёсткой и более коррумпированной администрации на Карибах, где, по причине конфликтующих интересов европейских держав, многие острова по-прежнему оставались незаселёнными, а на некоторые из них никто даже не успел заявить свои права. В частности, многие из этих радикалов, скорее всего, обосновались на Барбадосе и Ямайке, и, по моему мнению, влияние левеллерских и рантерских воззрений прослеживается в устройстве буканьерской «утопии» на Тортуге. Из книги Эксквемелина мы можем узнать важные подробности об этой первой в

истории успешной прото-ВАЗ из тех, что возникли в Новом свете. Пытаясь сбежать от зловещих «благ» империализма, с его рабством, крепостничеством, расизмом и нетерпимостью, от принудительной вербовки на флот и смерти заживо под палящим солнцем плантаций, буканьеры переняли индейский образ жизни, вступали в браки с жителями Карибов, принимали чёрных и испанцев как равных, не признавали различий по национальному признаку, выбирали своих капитанов с помощью демократических процедур и вернулись к «естественному состоянию». Объявив «войну всему миру», они поднимали свои паруса, чтобы посвятить себя грабежу, заключая между собой взаимные договоры на основании «Кодексов», эгалитарных до такой степени, что каждому участнику полагалась равная доля добычи и только капитан, как правило, мог претендовать на дополнительную четверть или половину к своей доле. Порка плетью и телесные наказания были запрещены — все разногласия улаживались общим голосованием или с помощью дуэльного кодекса.

Было бы попросту неверно считать пиратов всего лишь морскими разбойниками и тем более какими-нибудь прото-капиталистами, как полагают некоторые историки. В каком-то смысле они были «социальными бандитами», хотя сообщества, возникавшие на пиратских базах, представляли собой не традиционные крестьянские общины, а «утопии», создаваемые практически с нуля посреди *terra incognita*, анклавов неограниченной свободы, занимавшие пространства, не обозначенные на картах. После падения Тортуги буканьерский идеал оставался жизнеспособным на протяжении всего «Золотого века» пиратства (1660–1720) и находил своё выражение, например, в поселениях Белиза, основанных буканьерами. Впоследствии, после того как их активность сместилась в окрестности Мадагаскара — свои права на этот остров к тому времени не успела заявить ни одна морская держава, и власть на нём находилась в руках пёстрой горстки местных царьков (вождей), с радостью заключавших союзы с пиратами, — Пиратские утопии достигли своего расцвета.

По мнению некоторых историков, рассказ Дефо о капитане Миссьоне и основании Либерталии являлся лишь художественным вымыслом, банальной уткой, написанной с целью пропаганды радикальной теории вигов, — однако она была включена во «Всеобщую историю грабежей» (1724–1728), достоверность которой по большей части не вызывает вопросов. Кроме того, история капитана Миссьона не была разгромлена критиками после выхода книги, а ведь многие из тех моряков, которым случалось бывать на Мадагаскаре в описываемые времена, тогда ещё были живы. Похоже, *они сами* считали эту историю подлинной, и, несомненно, причина этого была в том, что они сохранили память о жизни в пиратских анклавах, схожих с Либерталией. Вспомним, что освобождённые рабы, аборигены и даже традиционные соперники по оружию, как, например, португальцы, имели возможность стать равноправными членами коммуны. (Нападения на суды работорговцев с целью освобождения их пленников были делом обыденным.) Землёй владели сообща, выборные представители назначались на короткие сроки, а добычей было принято делиться; исповедуемые здесь принципы свободы в своей радикальности гораздо превосходили даже идеи, изложенные в «Здравом смысле»[9].

Либерталия рассчитывала выстоять под натиском врагов, и Миссьон погиб во время её осады. Однако большинство пиратских утопий изначально задумывались как временные пристанища; по сути, подлинными «республиками» корсаров были их корабли, правосудие на которых вершилось в согласии с «Кодексом». В анклавах на суше чаще всего царило

полное беззаконие. Последний классический пример, багамский Нассау — пляжный курорт, усыпанный лачугами и шатрами, обитатели которых самоотверженно предавались пьянству, разврату (причём не только с женщинами, но, вероятно, и с мальчиками тоже, если судить по монографии Бёрга «Содомия и пиратская традиция»[10]), музицированию (пираты с невероятным трепетом относились к музыке и даже нанимали оркестры на всё время похода) и другими порочными излишествами — растворился в одночасье, когда в заливе показались паруса британского флота. Чёрная Борода и «Ситцевый» Джек Рэкхем с его командой женщин-пиратов направились к более тучным берегам, навстречу своей ужасной судьбе, тогда как остальные смиренно взмолились о помиловании и, получив его, вернулись к законопослушной жизни. Однако буканьерская традиция сохранилась — как на Мадагаскаре, где пиратские дети-полукровки начали обустривать собственные королевства, так и на Карибах, где беглые рабы, наравне со смешанными группами из представителей чёрной, белой и индейской расы, смогли наладить безбедную жизнь в горах и поймах, где возникли поселения «маронов». Маронское сообщество на Ямайке по-прежнему сохраняло относительную независимость и традиционный уклад даже в 1920-е годы, когда с визитом сюда приехала Зора Ниэл Хёрстон (см. «Tell My Horse»[11]). Мароны Суринама практикуют африканское «язычество» до сих пор.

На протяжении XVIII века в Северной Америке также возник целый ряд изгойских «изолированных трёхрасовых сообществ». (Этот термин, отдающий больничной карболкой, изобрели участники Евгенического движения, которым принадлежат первые исторические исследования, посвящённые этим общинам. К несчастью, эта «наука» способствовала лишь оправданию той ненависти, которую участники движения испытывали к «нечистым» расам и нищим, а в качестве «решения этой проблемы» чаще всего прибегали к принудительной стерилизации.) Ядро сообщества неизменно образовывали беглые рабы и крестьяне, «преступники» (т.е. совершенная голытьба), «проститутки» (т.е. белые женщины, выходившие замуж за представителей других рас) и члены всевозможных аборигенных племён. Иногда, как в случае семинолов и чероки, вновь прибывшие встраивались в традиционную племенную структуру; в других случаях образовывались новые племена.

Так возникли мароны болота Грейт-Дисмал, сохранявшиеся на протяжении XVIII и XIX веков, куда стекались беглые рабы и которые играли роль перевалочного пункта вдоль своеобразной Подпольной железной дороги, а кроме того они являлись религиозными и идеологическими центрами сопротивления взбунтовавшимся рабам. Здесь исповедовалась религия Худу, сочетавшая в себе африканские, аборигенные и христианские элементы, и, по словам историка Х. Лиминг-Бея[12], старейшин, выполнявших функцию религиозных лидеров и вождей маронов Грейт-Дисмал, называли «Семипалыми лучами великого сияния».

Народность, населяющая горный массив Рамапо на севере штата Нью-Джерси (и известная под уничижительным названием «Джексон-уайтс»), являет собой пример ещё одной романтической и архетипической генеалогии: рабы, сбежавшие от датских лендлордов («патронов»), представители разнообразных народностей, принадлежавших к делаварам и алгонкинам, привычные «проститутки», «гессенцы» (прозвище, закрепившееся за британскими наёмниками-одиночками, ренегатами из числа лоялистов и т.п.) и местные шайки, живущие общинами, вроде банды Клаудиуса Смита.

Некоторые из этих групп заявляют о своём афро-исламском происхождении, как, например, делаверские мавританцы и бен-исмаилиты, перебравшиеся в Кентукки из Огайо в середине XVIII века. Исмаилиты практиковали полигамию, не употребляли алкоголь, зарабатывали на жизнь музыкой, вступали в смешанные браки с индейцами и перенимали их уклад — они были до такой степени привержены кочевническому образу жизни, что прилаживали колёса к своим жилищам. Их ежегодный маршрут миграции охватывал разбросанные по фронтиру городки с названиями вроде Мекки или Медины. В конце XIX века некоторые из них прониклись идеалами анархизма и попали под прицел адептов евгеники, устроивших им демонстративно жестокий погром под лозунгом «искупление через истребление». Некоторые из первых принятых евгенических законов были адресованы именно им. Их племя «исчезло» в 1920-е годы, однако, по всей видимости, его члены пополнили ряды ранних «чёрно-исламских» сект вроде «Храма мавританской науки». Я и сам вырос на легендах о «семье Калликак»[13], проживавшей неподалёку в местечке Пайн-Барренс (и, конечно, на книгах Лавкрафта, отъявленного расиста, которого всегда завораживали изолированные сообщества). Позже выяснилось, что эти легенды были порождены коллективной памятью сторонников евгенических домыслов, американская штаб-квартира которых располагалась в городе Вайнленд (Нью-Джерси), — с их подачи в Барренс были проведены типичные «реформы» для борьбы с распространением «метисации» и «слабоумия» (попутно в прессе публиковались фотографии членов семьи Калликак, умышленно и грубо отретушированные, чтобы изобразить их в виде чудовищ, порождённых в результате кровосмешения).

«Изолированные сообщества» — по крайней мере те из них, которым удалось сохранить свою идентичность к началу XX века, — раз за разом отказывались вливаться как в магистральную культуру, так и в чёрную «субкультуру», к которой их предпочитают относить современные социологи. В 1970-е годы на волне общего возрождения коренных индейских народов Америки некоторые из этих групп, включая мавританцев и рамапо, подали заявки в Бюро по делам индейцев с требованием признать их в качестве автохтонных *индейских племён*. Хотя они получили поддержку со стороны коренных индейских активистов, в признании им было официально отказано. В конце концов, если бы они добились своего, это создало бы опасный прецедент для изгоев всех мастей, начиная с «любителей пейотля из числа белых» и всяких хиппи и заканчивая чёрными националистами, арийцами, анархистами и либертарианцами — даёшь отдельную «резервацию» для всех и каждого! «Европейский проект» не может признать существование Дикаря — зелёный хаос по-прежнему воспринимается как угроза в контексте имперской мечты о порядке.

В сущности, мавританцы и рамапо отвергли «диахроническое» или историческое объяснение их генеалогии в пользу «синхронической» самоидентичности, основанной на «мифе» усыновления их индейцами. Или, другими словами, *они сами называли себя «индейцами»*. Только представьте, какой масштаб принял бы массовый исход в Кроатоан, если бы каждый, кто пожелает «стать индейцем», мог сделать это, лишь провозгласив себя таковым. Эта старинная оккультная тень по-прежнему нависает над остатками наших лесов (площадь которых, к слову, с XVIII–XIX веков значительно выросла в северо-восточной части страны после того, как обширные пастбища стали зарастать кустарником. Будучи на смертном одре, Генри Торо мечтал о возврате «... индейцев... лесов...» — о возвращении

подавленного).

Разумеется, мавританцы и рамапо имели весомые причины считать себя индейцами — в конечном счёте, те были в числе их предков, — однако с точки зрения нашего исследования ВАЗ было бы полезнее рассматривать их самопровозглашение в «мифическом», а также в историческом ключе. Внутри племенных социумов выделяются *mannenbunden*, как называют их антропологи: тотемные сообщества, посвятившие себя слиянию с «Природой» в акте превращения, через *становление* тотемным животным (вспомним истории про оборотней, шаманов-ягуаров, людей-леопардов, кошачьих ведм и т. п.). В контексте всего колониального общества в целом (как утверждает Майкл Тауссиг в своей книге «Шаманизм, колониализм и дикарь»[14]) считается, что могущество, проистекающее из способности к превращению, наследуется всей аборигенной культурой как таковой — поэтому к наиболее подавленному сегменту общества переходит парадоксальная власть, полученная им через миф об оккультном знании, которое пугает и влечёт к себе колониста. Конечно, аборигены и в самом деле владеют кое-какими оккультными познаниями, однако, в ответ на имперское восприятие аборигенной культуры как своего рода «духовного дикарства или дикости», аборигены начинают всё более осознанно примерять на себя эту роль. Даже по мере их вытеснения в приграничные области этот пресловутый Рубеж приобретает магическую ауру. До прихода белого человека они были обычными племенами — теперь же они являются «хранителями Природы», пребывающими в том самом «естественном состоянии». Наконец, и сам колонист поддается соблазну этого «мифа». Когда бы американцы ни надумали вернуться к земле и слиться с Природой, они неизменно «превращаются в индейцев». Радикальные демократы из Массачусетса (духовные наследники радикально настроенных протестантов), устроившие Бостонское чаепитие, искренне веря, что правительства можно упразднить (округ Беркшир провозгласил возврат к «естественному состоянию» на всей своей территории!), переоделись в «воинов-могавков». Таким образом, колонисты, внезапно обнаружившие, что они сделались маргиналами в глазах своей родины, переняли роль столь же маргинализированных аборигенов, пытаясь тем самым (в каком-то смысле) позаимствовать и их оккультную силу, их мифический ореол. Начиная с маунтинменов и заканчивая бойскаутами, мечта о «превращении в индейцев» пронизывает бесчисленные изгибы американских истории, культуры и сознания.

Эротическая образность, связанная с восприятием «трёхрасовых» групп, также поддерживает эту гипотезу. Разумеется, «аборигены» всегда отличаются аморальностью, однако расовых отступников и изгоев следует считать прямо-таки полиморфными извращенцами. Буканьеры были содомитами, мавританцы и маунтинмены практиковали расовое кровосмешение, «джуксы и калликаки» предпочитали прелюбодеяния и инцест (чем объяснялись мутации вроде полидактилии), а их дети бегали по окрестностям голышом, мастурбируя у всех на глазах, и т. д. и т. п. Похоже, что возврат к «естественному состоянию» парадоксальным образом давал индульгенцию на едва ли не каждый «*противоестественный*» акт; или так могло казаться сторонним наблюдателям, если верить словам пуритан и адептов евгеники. А поскольку многие члены подавленных, моралистических и расистских сообществ втайне мечтают совершить именно эти распутные деяния, они проецируют их вовне, на маргинализированные ими группы, тем самым убеждая себя в том, что сами они остаются людьми цивилизованными и сохраняют свою чистоту. И, фактически, некоторые из подобных маргинализированных групп и в самом деле

отвергают общепринятую мораль — по крайней мере, это точно можно сказать о пиратах! — и можно не сомневаться, что они и впрямь позволяли себе реализовывать кое-какие из подавленных желаний цивилизации. (А вы бы отказались?) Превращение в «дикаря» всегда становится эротическим актом, актом наготы.

Прежде чем поставить точку на этом изучении «трёхрасовых отщепенцев», я бы хотел напомнить об энтузиазме, который испытывал Ницше по поводу «смешения рас». Находясь под впечатлением от напористости и красоты гибридных культур, он предложил не только прибегнуть к расовому смешению для решения проблемы вырождения расы, но и сделать его основополагающим принципом для создания нового человечества, свободного от предрассудков этического и национального шовинизма, — возможно, в качестве промежуточного этапа перед воспитанием «духовного кочевника». Судя по всему, в наше время эта ницшевская мечта остаётся так же далёкой от воплощения, как и при его жизни. С шовинизмом у нас по-прежнему всё в порядке. Смешанные культуры задвинуты на второй план. Однако автономные зоны буканьеров и маронов, исмаилитов и мавританцев, рамапо и «калликаков» так никуда и не делись — или, по крайней мере, до нас дошли их истории, служащие нам иллюстрацией того, что Ницше мог бы назвать «волей к власти как исчезновению». Мы ещё вернёмся к этой теме.

Версия #3

Зверобой создал 13 марта 2025 00:42:32

Зверобой обновил 13 марта 2025 00:50:38